

Кан Янь немного досадовал: на Праздник духов он был занят учёбой и не успел приехать, но хотя бы у перекрёстка нужно было сжечь жертвенные деньги — а он и об этом забыл. Совершив поклоны перед прахом бабушки с дедушкой и сжегши бумажные деньги, он поднялся на вершину горы. На могилах родителей, которым уже почти год, снова выросли сорняки. Кан Янь тщательно прополот их, поклонился, сжёг деньги и тихо посидел рядом с родителями, прежде чем отправиться вниз.

На полпути он встретил дядю с тётей и Кан Лин.

Кан Лин уже вернулась на зимние каникулы. Когда Кан Янь и другие поднимались в гору для подношений, кто-то из деревни заметил и позвонил Кан Айцзюню. Кан Лин как раз оказалась рядом и услышала, как мать ругает Кан Яня, называя его бесстыдником. Она специально пришла посмотреть на это представление.

— Дядя, тётя, — первым заговорил Кан Янь.

Кан Айцзюнь сначала взглянул на Кан Яня, затем, как и ожидал, увидел рядом с ним мужчину постарше. Вспомнив грязные истории, о которых говорила дочь, он мрачно произнёс:

— Не называй меня дядей. У меня нет такого племянника. Я считаю, что ни в чём тебя не обделял, а ты опозорил всю семью Кан. И теперь ещё осмелился прийти сюда...

— Господин, чем именно Янь Янь опозорил вас? Что плохого он сделал? — холодным тоном перебил Дуань Цифэн.

Кан Айцзюнь немного струсил от напора Дуань Цифэна и на мгновение замолчал. Но Ван Цуйпин не стала сдерживаться и прямо набросилась:

— Он совершил такие грязные дела, что нам даже стыдно о них говорить? Пфу! Говорить о них — только рот марать. Я уже говорила — не переступай порог нашего дома! А теперь ты ещё и к старикам пристаёшь? Если бы покойные предки узнали, они бы поднялись из могил, сначала прибили бы тебя, а потом снова отправились на тот свет! И ещё смеешь сюда приходить? Что, думаешь, раз у тебя теперь могущественный покровитель, можешь людей бить? Ну давай, попробуй, если осмелишься!

Ван Цуйпин ещё никогда не проигрывала в перепалках, брызгая слюной.

Дуань Цифэн нахмурился. Он не хотел, чтобы ребёнок здесь выслушивал оскорбления, но, прежде чем он заговорил, почувствовал, как кто-то дёрнул его за рукав. Обернувшись, он увидел, что ребёнок качает головой. Кан Янь знал, какая у тётки натура: с ней бесполезно разговаривать по-хорошему, у неё громкий голос, а в крайнем случае она может и на землю повалиться. Нельзя же позволить дяде ссориться с такой сварливой бабой — это слишком унижительно.

Дядя Дуань всегда защищал его, и Кан Янь не хотел, чтобы он здесь подвергся оскорблениям.

Он громко заявил:

— Я не делал ничего, что могло бы опозорить память бабушки с дедушкой, мамы и папы. То, что было в интернете — клевета. Я обращался в полицию, и в прошлом году суд уже вынес приговор тем, кто меня оклеветал: за клевету и распространение порочащих сведений — три года. Тётя, у вас нет доказательств, и, полагаясь лишь на собственные слова, вы оклеветали

меня. Я могу подать на вас в суд.

— Подать на меня? Ах ты, мелкий негодяй! Я три года кормила и по тебе, давала деньги на учёбу, а ты ещё и в суд на меня подашь? Ну вырос, небось? — Ван Цуйпин немного струхнула. Она не знала о последствиях истории в интернете и теперь, услышав, действительно испугалась. Но нельзя было показывать слабость, поэтому она закричала ещё громче:

— Пусть все соседи посмотрят, как мы с Айцзюнем вырастили такую неблагодарную душу! Теперь ещё и в суд на меня подаёт? Видно, правда возомнил о себе, нашёл себе покровителя...

Даже если бы Кан Янь попытался отстаивать свою правоту, против Ван Цуйпин, которая орала во всю глотку и несла околесицу, говоря одно, а подразумевая другое, он был бессилён.

Дуань Цифэн взглянул на Лао Кая. Тот тоже не выносил эту парочку и рывкнул:

— О чём это вы там орёте? Думаете, у кого голос громче, тот и прав? Я записал всё, что вы только что сказали. Если вам этого мало, давайте сходим в полицейский участок, выясним, является ли это клеветой.

Ван Цуйпин вжала голову в плечи и оглянулась на дочь. Дочь много училась и лучше разбиралась в таких делах.

Кан Лин хотела покачать головой, но, встретившись с его взглядом, испугалась и не посмела.

Мир затих.

— Лао Кай, чековая книжка, — холодно произнёс Дуань Цифэн.

Лао Кай подал ему чековую книжку. Дуань Цифэн достал авторучку, выписал сумму и протянул чек, сказав ледяным тоном:

— Эти деньги — плата за ваше содержание Янь Яня в течение трёх лет. Отныне он ничего вам не должен, независимо от того, какие там были чувства. Если вы ещё раз позволите себе болтать вздор о его делах, я обращаюсь в суд.

Кан Айцзюнь пришёл сегодня не ради денег — он просто хотел проучить племянника. Всё-таки это ребёнок, оставшийся от младшего брата. Он уже собирался что-то сказать, как жена ткнула его в бок. Он оглянулся и увидел, что Ван Цуйпин уже держит в руках чек и улыбается:

— Раз уж он так сказал, будем считать, что Кан Яня для нас больше нет.

— Могилы родителей Янь Яня я перенесу. А что касается могил его дедушки и бабушки... — Дуань Цифэн в душе хотел перенести и их тоже, но понимал, что другая сторона на это не согласится.

Как он и ожидал, Кан Айцзюнь сказал:

— Могилы брата и его жены — как родной сын, пусть распоряжается как хочет. А могилы наших родителей к вам не относятся.

— Дядя, достаточно. Пойдём, — Кан Янь знал, что дядя пошёл на уступки только ради него. Он не хотел создавать дяде трудности.

Услышав это, Дуань Цифэну пришлось отступить. Он повёл ребёнка вниз с горы. Для

переноса могил нужно было остаться ещё на один день.

После того как четверо ушли, Кан Айцзюнь остался стоять на месте, не зная, верить случившемуся или нет:

— Не стоило так быстро брать деньги. Судя по словам Кан Яня, мы, кажется, ошиблись насчёт него.

— Какая ошибка? Если бы он не занимался чем-то постыдным, с чего бы этому мужчине давать незнакомцу сто тысяч? Ты бы стал давать случайному прохожему сто тысяч? — Ван Цуйпин впервые в жизни видела чек и спросила дочь:

— Это настоящий? Как его обналичить?

В посёлке расходы небольшие: Кан Айцзюнь получал две тысячи восемьсот в месяц, а Ван Цуйпин на заводе, работая сдельно, — около тысячи восьмисот.

— Лин Лин будет учиться в университете четыре года, нужны деньги на еду и расходы. Не говори, что не надо. В конце концов, мы содержали его три года, и это не ложь. Раз дали — почему бы не взять? Бесплатно же.

Кан Лин тоже загорелась. Она вспомнила свой сломанный ноутбук и капризно сказала:

— Мама, у меня компьютер слишком слабый, некоторые программы плохо работают. Можно мне купить новый?

— Ладно, — Ван Цуйпин, сжимая в руке сто тысяч, сразу согласилась.

Кан Айцзюнь, увидев это, вздохнул и больше ничего не сказал.

Кан Янь тоже злился, но злился на самого себя. Он надулся, опустив голову и надув щёки.

Дуань Цифэн сразу это заметил. Он налил ребёнку супа, и тот послушно выпил. Сам же Дуань Цифэн не выдержал и поддразнил:

— Злишься на дядю?

— Нет, я злюсь на себя, — покачал головой Кан Янь, поставил чашку с супом и сказал:

— Виноват, что не объяснил дяде всё ясно. Когда я заканчивал первый курс старшей школы, умерла бабушка. Перед смертью она при мне дала дяде тридцать тысяч, сказав, что это на моё содержание в течение трёх лет. К тому же, работу, которую дядя сейчас имеет, тоже помог купить мой отец, на это тогда ушло три тысячи. На зимних и летних каникулах я подрабатывал в уездном городе и мог заработать восемь-девятьсот, и все эти деньги отдавал в семью дяди. Я мало ем, мяса не ем, только овощи, обычно ещё и работаю по дому: убираю, готовлю, стираю — всё это делал я. Старшую школу я окончил в государственной, семестр стоит восемьсот. Если посчитать, тридцати тысяч должно было хватить. Дяде не нужно было давать им так много денег.

На лице Кана Яня отразилась досада — ему было жалко денег дяди Дуаня. Раньше он не считал, что его притесняли и обижали в семье дяди. Наоборот, думал, что семья дяди ему, чужому человеку, ничего не должна — ведь на его содержание и учёбу нужны были деньги. Даже если бабушка дала тридцать тысяч, он всё равно был чужаком, занимал место и отнимал

силы — в этом он был виноват. Он думал, что если будет стараться и больше работать, то... к тому же, у него больше не осталось родных.

Раньше он не считал это тяжёлой жизнью, но теперь, пожив с дядей Дуанем, узнал, что такое сладкая жизнь. Оглядываясь назад, он понимал, что те три года были довольно трудными.

— Дядя не думал, что ты жил так, — Дуань Цифэн никогда раньше не слышал от Кана Яня о прошлом. Теперь, слушая, как ребёнок рассказывает об этом без тени жалоб в голосе, он говорил правду. Его сердце болело за него, и он чувствовал, что семья Кан Айцзюня его обманула. В груди Дуань Цифэна стало жарко, как в печи: ребёнок полностью думал о нём, в сердце ребёнка они с ним были одной семьёй, а Кан Айцзюнь превратился в чужого.

— В этом мире проблемы, которые можно решить деньгами, — не проблемы. Ты — самый драгоценный и важный человек для дяди. Этими ста тысячами мы выкупили твои родственные связи и долг благодарности. Теперь они не смогут использовать это, чтобы манипулировать тобой и шантажировать тебя, — глядя голову ребёнка, Дуань Цифэн мягким тоном сказал:

— Дядя слишком поторопился, нужно было послушать Янь Яня. Впредь в таких вопросах будем слушать Янь Яня, хорошо?

Кан Янь смутился, его щёки порозовели:

— Дядя, я не виню тебя, это я не всё объяснил, — но в душе он понимал: если бы он тогда высказался, тётя, судя по её характеру, устроила бы истерику с катанием по земле. Для него самого это было бы неважно, но если бы дядя Дуань оказался втянут в такую сцену, это, казалось ему, запятнало бы репутацию дяди.

Подумав так, он перестал злиться.

Дуань Цифэн увидел, что надутые щёки ребёнка опали, и понял, что тот больше не сердится. Он потрепал его по голове и, утешая, сказал:

— Сегодня дядя был неправ, Янь Янь может съесть мороженое.

Зимой, после болезни, у Кана Яня не было такой привилегии.

<http://bllate.org/book/15594/1390606>